

УДК 341.43«1939»(438)(476)

Социально-экономические преобразования сельского хозяйства западных областей Беларуси (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)

Д.М. Толочко

В статье рассматриваются социально-экономические преобразования сельского хозяйства западных областей Беларуси в сентябре 1939 – июне 1941 гг. Автор приходит к выводу, что в деревне социально-экономические преобразования проводились более медленными темпами по сравнению с торговлей и промышленностью. Руководство страны отошло от практики тотальной коллективизации путем «нажима» сверху, избрав путь экономического давления на единоличников.

Ключевые слова: сельское хозяйство, коллективизация, социально-экономические преобразования, единоличники.

The article deals with socio-economic transformation of agriculture in the western regions of Belarus in September 1939 – June 1941. The author concludes that in the countryside socio-economic reforms were carried out at a slower pace than in the trade and industry. The country's leadership departed from the practice of all-out collectivization by "pressure" from above, choosing the path of economic pressure on the individual farmers.

Keywords: agriculture, collectivization, socio-economic transformation, individual farmers.

Сентябрь 1939 г. стал знаменательной вехой в истории белорусского народа. Именно тогда произошло его объединение в едином государстве. Одним из актуальных вопросов в рамках данной темы является проблема социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве западных областей Беларуси на протяжении сентября 1939 – июня 1941 гг.

В сельской местности крестьяне, организуемые крестьянскими комитетами, уже в первые дни установления советской власти в регионе начали делить помещичьи, церковные земли. Необходимо отметить, что большую роль здесь сыграли бойцы Красной Армии, политработники, члены Временных управлений, которые активно проводили агитацию среди крестьян [1, л. 21]. Вместе с тем не обходилось без издержек. Так, крестьяне Парфиановской волости Дисненского уезда начали «произвольно растаскивать помещичьи имения, скот и другое имущество, в результате получилось, что некоторые крестьяне ...взяли себе 1–2 коровы, а многие бедняки, не имеющие своей собственной коровы, не получили ничего» [2, л. 224]. Подобная ситуация в отдельных случаях наблюдалась и с разделом земли. Кроме того, отмечались факты, когда избираемые в состав крестьянских комитетов кулаки саботировали раздел земли.

Важнейшим официальным документом, в котором юридически была закреплена конфискация помещичьих земель, стала Декларация Народного собрания о конфискации помещичьих земель [3, л. 14–15]. Отдельные руководители на местах начали ошибочно трактовать это постановление. Так, председатель Временного управления Виленской области Я.А. Жилиянин объявил о конфискации церковных земель, в отношении которых речь в декларации не шла. 12 ноября 1939 г. на заседании бюро ЦК КП(б)Б специально рассматривался этот вопрос. В результате была принята резолюция о немедленном исправлении допущенной ошибки [4, л. 13].

Руководство республики не стремилось форсировать проведение коллективизации, опасаясь, что это может создать неблагоприятную обстановку в регионе. В уже упомянутом выше постановлении Военного Совета Белорусского фронта № 01 подчеркивалось: «Никаких колхозов пока не строить и никаких призывов к устройству колхозов пока не делать» [5, с. 51]. Выступая на совещании председателей Временных управлений 4 октября 1939 г., П.К. Пономаренко по этому поводу заявил: «Земля и крестьянский вопрос – это самые слож-

ные сейчас. Сейчас какая задача? Поднять крестьян, чтобы делили землю помещичью, били им морду... К созданию колхозов не призывайте и колхозов не стройте».

На протяжении октября – декабря 1939 г. в регионе проводились мероприятия, направленные на изучение обстановки в деревне по поводу возможности создания в будущем коллективных хозяйств. Наряду с этим шла активная пропагандистская кампания, имеющая цель показать крестьянству преимущества коллективных хозяйств. Для этих целей сюда были посланы десятки агитаторов и пропагандистов. Особая роль в этой работе отводилась прессе. В местной периодике публикуются десятки статей, рисующих безбедное существование колхозников в БССР. Например, депутат Народного Собрания Западной Беларуси так описывает свои впечатления от увиденного: «Мы паехалі за 40 км ад Мінска ў калгас “Чырвоны баец”. За годы калгаснага ладу, як нам расказвалі калгаснікі, веска змяніла свае аблічча. Пабудован вялікі клуб з добра абсталяванай залай. У клубе ўстаноўлена гукавая апаратура. Тут часта дэманструюцца навейшыя гукавыя кінафільмы. Есць свая электрастанцыя, якая асвятляе кватэры калгаснікам, есць лазня, якой могуць пазайздросціць жыхары горада, есць школа, кааператыў, радзільны дом і бальніца. Амаль усе працаемкія работы ў калгасе робяць машыны» [6, с. 2].

Наиболее позитивно идею создания колхозов восприняло беднейшее крестьянство. Они мотивировали свой выбор тем, что «в колхозе легче будет жить и работать, ибо у нас нет семян, мало коров». Большинство середняков к вопросу создания колхозов отнеслись довольно настороженно. Например, местный житель Алесь Белокоз вспоминает, что непосредственно после похода Красной Армии у них в семье царил радостная обстановка, однако мать отнеслась к этому событию не так восторженно, она говорила: «Не радуйтесь сильно, говорят, большевики колхозы создают. Люди работают там целый год, а платы никакой. Говорят, там с голоду умирают» [7, с. 48]. В большинстве своем негативно восприняла перспективу создания колхозов зажиточная часть крестьянства, в первую очередь кулаки и часть середняков. Так, на отчетном собрании депутата Народного собрания и члена полномочной комиссии в деревне Каяты Видзовской волости был задан вопрос: «Будут ли колхозы?». Зажиточная часть крестьян и часть середняков тут же заговорили: «Не хотим колхозов, мы не брали помещичьей земли» [8, л. 5].

О том, что курс на коллективизацию в Западной Беларуси был взят руководством страны уже в начале 1940 г., свидетельствует тот факт, что при остром малоземелье в регионе не были отданы нуждающимся крестьянам все конфискованные у помещиков и осадников земли. Например, в Дисненском районе из 22 509 га помещичьей земли им досталось только 5233 га. В Глубокском районе – 4174 га. В Браславском районе еще спустя год, к началу 1941 года, оставался, по существу бесхозной, 661 га земли [9, с. 7].

Одним из дискуссионных вопросов в отечественной историографии является время создания первых колхозов. Так, известный историк В.А. Полуян в статье «Сацыяльна-эканамічныя і культурныя ператварэнні (1939–1950 гг.)» утверждает, что первый колхоз образовался в деревне Хожево Молодеченского района Вилейской области осенью 1939 г. [10, с. 111]. В то же время отечественный исследователь М.В. Василючек в публикации «Да пытання аб стварэнні першых калгасаў у заходніх абласцях Беларусі» приходит к выводу о том, что колхозы в регионе возникли не ранее января 1940 г. [11, с. 18–19]. В качестве подтверждения данного тезиса автор ссылается на материалы отечественной периодики. На наш взгляд, вторая точка зрения более близка к истине. Одним из аргументов в пользу этого могут служить слова П.К. Пономаренко, сказанные им 7 января 1940 г. на совещании по поводу работы в Западной Беларуси: «Так, вот если насчет колхозов, у нас еще нет ничего» [12, л. 25].

Колхозное строительство в Западной Беларуси начало осуществляться по решению руководства республики. Какого-либо письменного постановления на этот счет нами обнаружено не было. Возможно, ответственные лица республики, в первую очередь лично П.К. Пономаренко, в устных беседах с руководителями западных областей Беларуси напрямую давали указания по созданию колхозов. Так, в докладной на имя И.В. Сталина «О мероприятиях по Западной Беларуси» от П.К. Пономаренко говорилось в этой связи следующее: «2 января 1940 г. мною дано распоряжение: По требованию крестьян создавать колхозы».

Активность крестьян, в первую очередь беднейших, при создании колхозов была весьма высокой. Так, если к 20 февраля 1940 г. в регионе действовало 9 колхозов, на 1 марта их насчитывалось 59, то к 1 мая 1940 г. количество колхозов составило 490 [13, л. 153]. Вместе с тем необходимо отметить, что наблюдались случаи, когда инициаторами создания колхозов выступали зажиточные категории крестьянства, более того, последние нередко избирались в правления колхозов. Указанные факты тщательно отслеживались и пресекались. Позиция отдельных представителей зажиточной части деревни в отмеченных выше случаях объяснялась в первую очередь желанием обезопасить себя от возможных репрессий со стороны властей. Эти опасения были не лишены оснований. Так, уже 10–13 февраля 1940 г. была проведена операция по выселению 50 732 осадников и работников лесной охраны из западных областей Беларуси.

Имели место ошибки со стороны руководства на местах при проведении коллективизации. Так, в докладной секретаря Вилейского обкома в ЦК КП(б)Б отмечалось, что при организации колхоза имени В. Молотова Мядельского района на собрании крестьян присутствовало 27 человек, а подали заявление о вступлении в колхоз 100 человек [14, л. 68]. В деревне Вейно Ленинского района Пинской области коммунист Белов продержал крестьян на собрании до 5 часов утра, «пока не добился решения всем как одному вступить в колхоз» [15, л. 118]. Можно привести и другие примеры. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что такого рода случаи были явлением исключительным. Они тщательно отслеживались, затем немедленно устранялись, виновные привлекались к строгой ответственности вплоть до исключения из партии. Руководство страны не хотело накалять обстановку в деревне.

Создание колхозов осложнялось не только ошибками со стороны местных властей, но противодействием со стороны зажиточной части крестьянства. Начиная с весны 1940 г. она становится на путь борьбы с колхозным строительством. Это выражалось в антиколхозной пропаганде, клевете на советскую действительность, наблюдались также случаи поджогов колхозных строений, избиений и убийств сельских активистов. Об этих фактах неоднократно доносило руководство обкомов, райкомов в ЦК КП(б)Б, фиксировали подобные случаи органы НКВД БССР.

Однако, несмотря на указанные выше факты, руководство страны отказалось от проведения в регионе политики раскулачивания. Государство избрало путь экономического давления на зажиточную часть деревни. Так, на территории западных областей были введены обязательные поставки сельхозпродуктов по фиксированным ценам. При этом нормы поставок для единоличников зависели в первую очередь от количества находящейся в их пользовании земли. Например, по мясу поставки устанавливались следующим образом: минимальная норма начислялась дворам, имеющим до 2 га земли (20 кг мяса в год), максимальная – более 25 га (300 кг). Вместе с тем колхозным дворам устанавливалась единая норма – 15 кг. Подобная разница наблюдалась и в отношении других продуктов [9, с. 11]. Кроме того, изменялась налоговая система. Вводился единый сельскохозяйственный налог, который начислялся в зависимости от доходности хозяйства.

В процессе проведения налогообложения крестьянских хозяйств наблюдались значительные ошибки. Например, в Старо-Богатырском сельсовете Сопоткинського района Белостокской области единоличник Бердницын засеял только 2 га земли, а поставки начислены из расчета 6 га земельной площади. В то же время наблюдались и обратные случаи. В деревне Каралин того же района кулаку Ярковскому начислены поставки исходя из наличия у него 2,22 га земли, в то время как в действительности у него имелось 22,22 га [16, л. 32]. В этой связи ЦК КП(б)Б в 1940 г. даже был вынужден принять постановление «Об извращении закона при начислении обязательных поставок сельхозпродуктов в некоторых районах западных областей».

Часть единоличников бойкотировала выполнения селхозпоставок. Например, ксендз Соколковского района Белостокской области сдал только 4,8 центнеров зерна, в то время как ему было начислено 67,5 центнеров, а от сдачи остальной части категорически отказался. Середняк Свислоского района заявил: «Для сдачи государству зерна у меня не хватает, и

чтобы увеличить вес, я насыпал три фуражки песка» [17, л. 168]. Кулацкая и середняцкая часть населения деревни, кроме бойкотирования сельхозпоставок, применяла и другие формы уклонения. Так, чтобы уменьшить величину поставок, они отказывались от части земли, дробили, утаивали свои наделы, осуществляли убой скота. Следует отметить, что коллективные хозяйства не играли заметной роли в экономике западных областей. Всего до июня 1941 года было создано 1115 колхозов, которые объединяли около 49 тысяч (6,7%) крестьянских хозяйств и 7,8% земли и 28 колхозов [5, с. 22]. В большинстве своем в колхозы вступали представители бедняцкой части крестьянства. На 1 октября 1940 г. они составляли 57,6% от общего количества членов коллективных хозяйств. Так как основным поставщиком сельхозпродукции государству оставались единоличные хозяйства, это приводило к снижению сельскохозяйственного производства, росту потребительских настроений в деревне и повышению цен на сельскохозяйственные продукты [5, с. 22].

Величина государственных поставок вызывала недовольство как зажиточных, так и малоимущих крестьян. Более того, налоговая политика в деревне нанесла удар не только по индивидуальным хозяйствам, но и по колхозам. Начиная с осени 1940 г. среди отдельных колхозников отмечаются настроения такого рода: «Если выполним государственную поставку, то и детей отдадим», – заявил колхозник Видейского сельского совета. Колхозница Скидельского района Лебедева среди колхозников говорила: «Так вот ждали свободы и дождались свободы. Вместо 8-часового рабочего дня будем работать 24 часа. В колхозе будешь работать день и ночь за кусок хлеба и гнилую картофель» [17, л. 125]. Такие настроения были неудивительными, если учесть, что в отдельных колхозах, в частности в Белостокской области, после уплаты колхозами сельхозналогов предполагалось выплатить большинству колхозников из расчета на один трудодень от 1 до 5 кг зерновых, от 5 до 10 кг картофеля, от 50 коп. до 1 руб [5, с. 137]. Несмотря на то, что данные начисления были выше, чем в некоторых колхозах восточных регионов БССР, крестьяне Западной Беларуси рассчитывали на большее.

Указанные факты, а также антиколхозная агитация со стороны кулацкой части населения деревень, ошибки руководства на местах при проведении коллективизации приводили к выходу крестьян из колхозов [5, с. 138]. Вместе с тем следует отметить, что это явление было скорее исключением, чем правилом. Так, в Белостокской области на 10 октября 1940 г. насчитывалось 163 колхоза, которые объединяли 6841 хозяйство, а вышло из них всего 132 хозяйства [5, с. 137–138]. По преимуществу колхозы справились с весенним севом, уборкой урожая, полностью рассчитались с государством по поставкам хлеба. Средняя урожайность составила по зерновым в Белостокской области 7–7,5 центнеров с 1 га, по картофелю – 120–125 [5, с. 137].

Таким образом, политика «советизации» в экономике региона начала осуществляться уже с первых дней установления советской власти. Инициатором ее проведения было партийное руководство страны и республики. Наиболее ускоренными методами она проводилась в сфере промышленности и торговли. В деревне экономические преобразования проводились более медленными темпами. Руководство страны отошло от практики тотальной коллективизации путем «нажима» сверху, избрав путь экономического давления на единоличников. Это обстоятельство также в немалой степени способствовало возникновению в регионе дефицита продовольственных товаров, росту цен на них.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1584. Докладные и информации обкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б о выполнении решений вышестоящих организаций и др.
2. Там же. – Д. 1681. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (сентябрь 1939 – октябрь 1939 гг.).
3. Там же. – Д. 1755. Сводки об экономическом положении в западных областях Белоруссии.

4. Там же. – Д. 1505. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления и выписки из постановлений Экономсовета при СНК СССР.
5. Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / аўт.-уклад. У.Ф. Ладысеў. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т, 2004. – 199 с.
6. Вілейская праўда. – 1939. – 5 снежня.
7. Белакоз, А. 1939–1989. Праз 50 гадоў: успаміны, думкі, сённяшні погляд / А. Белакоз // Маладосць. – 1989. – № 9. – С. 148–150.
8. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1533. Проекты постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР, в основном, по Западной Беларуси и материалы к ним (октябрь 1939 – август 1940 гг.).
9. Аграрные преобразования в Вилейской области, 1939–1941 гг. Документы и материалы / НАРБ ; сост. : И.Н. Курков [и др.]. – Минск, 2001. – 173 с.
10. Палуян, У. Сацыяльна-эканамічныя і культурныя ператварэнні (1939–1950 гг.) / У. Палуян // Назаўседы разам : да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск : БелЭн. – 1999. – С. 109–115.
11. Васілючак, М.В. Да пытання аб стварэнні першых калгасаў у заходніх абласцях Беларусі / М.В. Васілючак // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. – 2001. – № 2. – Сер. 1. – С. 16–22.
12. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1907. Особые папки к протоколам заседаний бюро ЦК КП(б)Б.
13. Там же. – Д. 1873. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.
14. Там же. – Д. 1940. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам (январь 1940 г. – апрель 1940 г.).
15. Там же. – Д. 1874. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.
16. Там же. – Д. 2199. Информации о важнейших фактах в жизни местных парторганизаций.
17. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 91. Спецсообщения и докладные работников НКВД, суда, прокуратуры о состоянии работы отдельных организаций и предприятий и об антисоветской деятельности контрреволюционных и враждебных элементов в области.